

38. Федуленкова Т. Н. Специфика фразеологической вариантности: к истории проблемы // Проблемы культуры, языка, воспитания: Сб. науч. тр. Вып. 5. Архангельск: Поморский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2003. С. 166-179.

39. Fedulenkova T., Postnova E. Polysemy of Verbal Phrases with the Verb of Movement as a Leading Component // English Phraseological Units in New Socio-Cultural Context: Traditions and Innovations: Proceedings of Seminar 52 at ESSE6-2002 in Strasbourg. Strasbourg: <http://www.essenglish.org/Seminar52>, 2002. P. 5-6.

40. Федуленкова Т. Н. Изоморфизм семантических корреляций фразеологической единицы и ее компонента (на материале распространенных современных германских языков) // Международное сотрудничество в образовании: М-лы IV Международ. конф. СПб., 2004. Ч. 2. С. 58-65.

41. Федуленкова Т. Н. Универсальное и уникальное во фразеологической семантике (на материале наиболее распространенных германских языков) // IV Царскосельские чтения: М-лы науч.-теор. межвуз. конф. Санкт-Петербург: Ленинградский гос. обл. ун-т им. А. С. Пушкина, 2000. 106-111.

42. Аракин В. Д. Структурная типология русского и некоторых германских языков (единицы сопоставительно-типологического анализа языков): Автореф. дис. ... д. филол. н. в форме науч. докл. М., 1983. 38 с.

*Надежда Николаевна ЛЫКОВА –
доцент кафедры французской филологии,
кандидат филологических наук*

УДК 800. 34

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛЕДСТВИЕ В ТЕРМИНООБОЗНАЧЕНИЯХ ДРЕВНЕГО ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО ПРАВА

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена сопоставительному анализу терминологических значений одного из этапов следствия по делу в старофранцузском и древнерусском языке права.

The article is devoted to the comparative analysis of law terms of one of the inquiry stages in Old French and Old Russian.

Одним из доминантных концептов правовой жизни является концепт «правосудие». Общее знание о правосудии можно представить в виде концептуальной системы, своего рода суперструктуры, которая состоит из некоторых тематических структур, содержащих основную, типическую информацию, ассоциированную с тем или иным концептом. Данные тематические структуры и субструктуры организованы иерархически. Так, например, в суперструктуре «правосудие» можно выделить следующие уровни: 1) право, справедливость; 2) судебные учреждения; 3) субъекты права; 4) практические деятели в области права; 5) следствие по делу; 6) судебное разбирательство. Мы обращаемся здесь лишь к одному из выделенных уровней – следствие по делу, который содержит несколько этапов: возбуждение дела, предварительное следствие (дознание) и судебное следствие. В рамках данной статьи будут рассмотрены терминогруппы, отражающие этап предварительного следствия.

Расследование, следствие, дознание – главное действие судопроизводства — обозначается группой терминов, подавляющее большинство которых появляется во французском языке в двенадцатом веке: *demandise*, 1130 — ‘судебное следствие’; *demenement*, XII — ‘способ вести дело, судебное преследование’; *despit*, XII — ‘пробывание под следствием’; *emplaidier*, 1190 — ‘привлечь к судебной ответственности; преследовать’; *enqueste*, XII — ‘расследование, дознание’; *enquester*, XII — ‘произво-

дить расследование'; *envier*, XI — 'привлечь к суду'; *esquerre*, 1120 — 'производить следствие, дознание, преследовать в судебном порядке'; *estruire*, XII — 'привлечь к судебной ответственности; производить следствие, расследовать'; *inquisition*, 1160 — 'следствие, дознание, розыск'; *juree*, XII — 'судебное расследование'; *porsivement*, 1190 — 'судебное преследование'; *quise*, 1160 — 'расследование, дознание, следствие, розыск'; *recort*, XII — 'расследование'; *serjantement*, 1290 — 'преследование, расследование сержантами'; *serjanter*, XIII — 'расследовать, преследовать сержантами'; *traite*, 1119 — 'судебное преследование'.

Ядром этой группы являются слова, группирующиеся вокруг идеи поиска, розыска (они восходят к латинскому *quaerere* 'искать, разузнавать': *enquête*, *enquêter*, *esquerre*, *inquisition*, *quise*) или преследования (от латинского *sequi* 'следовать, идти за': *porsivement*, *porsiure*). Другая часть имеет своим этимологом слова, обозначающие интеллектуальные или коммуникативные операции: *recordari* 'вспоминать, думать' (*recort*), *jugare* 'клясться' (*juree*), *demandare* 'передавать, поручать' (*demandise*), *placere* 'иметь мнение, полагать' (*emplaidier*). Ряд слов опираются на идею сопровождения (*demenement*), приглашения (*envier*), выстраивания (*estruire*). И наконец, в основу терминов *serjantement*, *serjanter* положено наименование лица, производящего расследование.

Терминологически предварительное следствие и судебное следствие в древнем французском праве не различаются.

Предварительное следствие включает в себя розыск, допрос, пытку, сбор доказательств. **Розыск** в старофранцузском языке обозначается многозначными лексемами *inquisition*, *quise* (см. выше), к которым можно еще добавить глаголы *rouquerre* (*rouquerre*, *rouquerir*) 'искать, разыскивать', *rouchacier* (*rouchacier*, *purchacier*), 1080, 'преследовать', *poursuir* (*porsiur*, *poursuivir*), XII, 'преследовать', существительное *poursuite*, XIII, 'преследование'. Обыск терминируется лексемой *esclignement*, 1262.

В старофранцузских правовых документах процедура розыска подробно не фиксируется, тогда как в Русской Правде описывается ситуация розыска украденной вещи или скрывшегося преступника. Начало розыска знаменуется оповещением о поиске, при этом используется древняя формула *а закличють и на торгу* [ПП, 32: 12], то есть бирич (судебный чиновник) выезжает на базар и кричит во весь голос, что у такого-то кто-то украл такой-то предмет или что такой-то челядин скрывается. Другая формула, встречающаяся в Русской Правде, — *а заповесть на торгу*, то есть публично объявить на торгу, так как бирич, по-видимому, не всегда был [Ларин, 1975: 81]. Б. А. Ларин считает, что это не единственный случай в Русской Правде, когда наряду с древней формулой используется более новая. Так, например, формула: *Не будет ли татя, то по следу женуть* [ПП, 77: 15] — 'если вор не обнаружен, не пойман, то идут по его следу' или выражение *след знати* — сменяются, когда гонение по следу отмирает, позднейшей формулой: *Аже будет росечена земля или знамение... то по верви искати татя* [ПП, 70: 15], то есть так или иначе, без всякого преследования по следу, опросом через биричей или вещественные доказательства искать виновного [Ларин, 1975: 81].

Один из видов следствия, процесс отыскания недобросовестного владельца украденной вещи, назывался *сводом*. В краткой редакции Русской Правды своду посвящена статья 14, а в пространной редакции о своде речь идет в статьях 35, 36, 38, 39: *Аже кто познает свое, что будет погубил или украдено у него что, ..., то не рци: се мое, но поиди на свод, где есть взял* [ПП, 35: 12]. Когда следствие ведется в пределах одного округа, одной общины, то пострадавший должен искать то, что у него украли, пока не найдет. Если же следствие вышло за пределы общины, то истец идет до третьей 'очной ставки': *Аже будет во едином городе, то ити истьцю до конца того свода; будет ли свод по землям, то ити ему до третьяго свода; а что будет лице, то тому платити третьему кунами за лице, а с лицом ити до конца*

своду, а истцю ждати прока; а где снидеть на конечняго, то тому все платити и продажу [ПП, 36: 12]. Если будет найдено лице — ‘поличное, подлинная украденная вещь’, то тот, у кого найдено украденное, платит первоначальному владельцу, истцу за украденную вещь деньгами. И далее надо найти вора, то есть человека, который не сможет указать, у кого он купил эту вещь. Истец при этом ждет конца следствия: *а истцю ждати прока*. Когда, наконец, найдут вора, то есть последнего в цепи сводов, то он должен заплатить, что взяли с третьего лица по своду, с одного из промежуточных владельцев этой вещи, да еще, кроме того, *продажу*, то есть штраф за преступление. Б. А. Ларин замечает, что этот пример свидетельствует о том, что язык Русской Правды отличается условностью значений, чрезвычайным лаконизмом, хотя состоит не из специальных терминов, а общеупотребительных слов, которые в свое время, несомненно, были общепонятны и общедоступны [Ларин, 1975: 81-82].

Другой этап предварительного следствия — допрос, для обозначения которого во французском языке первоначально применяется термин *question*, 1160, восходящий к латинскому *quaestio* ‘допрос’, но уже в римском праве эта лексема могла обозначать допрос и следствие, соединенное с пыткой. Анализируя семантику и словоупотребление *quaestio* и производных от него *quaestio* и *quaestus*, Э. Бенвенист замечает, что эти лексеммы указывают на то, что процедура расследования нацелена на то, чтобы добиться нужного, необходимого, заручившись материальными средствами (см., например, [Бенвенист, 1995: 333, 335]), в данном случае таким конкретным, материальным средством выступает пытка. Отсюда и в старофранцузском языке два значения этого термина ‘допрос’ и ‘пытка’. Об этом пишет, в частности, О. И. Тогоева, исследуя семантические характеристики понятия «пытка» во французском уголовном праве XIII-XV веков. Она понимает термин *question* как экстраординарный процесс, то есть допрос, который включает в себя и пытки [Тогоева, 1995: 40]. В пытке, замечает М. Фуко, как будто смешались акт расследования и элемент наказания, поскольку она рассматривается и как способ дополнения доказательства, и как одно из наказаний [Фуко: 63]. В глоссарии древнего французского права указывается, что существовала подготовительная пытка (*question préparatoire*), которая применялась к обвиняемому, чтобы заставить его сознаться в совершенном преступлении, и окончательная пытка (*question définitive*), допускаемая по отношению к осужденному с целью заставить его выдать своих сообщников (Gloss.: 103).

Позднее появляется термин *interrogation* (XIII в.) от латинского *interrogatio* ‘допрос’. Этот термин уже не отягощен дополнительным значением и не связан с пыткой. Для обозначения соответствующего действия используется лексема *enquête* (*enquerir*), 1080, ‘спрашивать, допрашивать кого-либо о фактах, чтобы выяснить истину’.

Во время предварительного следствия могла возникнуть необходимость провести очную ставку в том случае, если вор или убийца заявляют, что у них были сообщники. Их заявление должно быть доказано, и с этой целью указанные люди арестовываются, чтобы провести очную ставку с лицом, указавшим на них, и выяснить обстоятельства дела: *Se aucuns lierres, ou murtriers dit que aucuns soient ses compainz, il n'est pas pource prouvé, mes la justuce le doit bien prendre pour savoir se il li porroit recognoistre* [Louis, 33: 400]. В Иерусалимских Ассизах сообщники именуются выражением *compaignons de ce mau faire* [Ass., 253: 190], ‘сообщники по злодеянию’.

В древнерусском языке права проведение очной ставки терминовалось лексемами *свеститися, сведитися*: ... *сведитися, кто будет виноват, на того тамба снидеть* [ПП, 35: 12].

К доказательствам вины относились свидетельские показания, обнаружение на месте преступления, негативный исход судебного поединка и признание лица, подозреваемого в совершении преступления.

Так, например, в Иерусалимских Ассизах описывается ситуация, когда хозяин возвращается домой и обнаруживает там вора. Преступник убегает, хозяин с криками бросается за ним, и вора удаётся схватить. В статье закона говорится, что если соседи дают клятву, что они видели, как вор выбежал из дома и слышали крики хозяина, то судить этого преступника следует, не прибегая к судебному поединку, поскольку кража считается доказанной (*celuy larron est ataint sans bataille come liere piovés*). Соседи могли не видеть, как вор и хозяин выбегают из дома, но слышать крики хозяина и видеть, что вор несет украденное, а потом бросает его и убегает. Если после ареста преступник отрицает свою вину, а соседи клянутся на святых в том, что они видели, то вор также осуждается без поединка [Ass., 246: 185].

Основным же доказательством вины в древнем французском праве считалось признание обвиняемого или подозреваемого, и основной целью следствия было добиться этого признания, так как «признание, сделанное на суде, заменяет судимую вещь»: *cognoissance fete en jugement vaut chose jugiée* [Louis, II, 14: 586]. Выделяется группа терминообозначений, объединенных идеей признания: *avoer*, XII, одно из значений 'признать ошибку'; *aveu*, XIII, 'признание'; *gehir* (*jeir*), 1120, от древневерхне-немецкого *jehan*, 'заставить сознаться; признаваться'; *gehine*, *gehie*, XII, 'пытка; признание'; *metre a gehine*, 'заставить сознаться'; *gehisseor*, XIII, 'тот, кто признается'; *encuser*, X, одно из значений 'раскрыть, признаться'; *espeneir*, XI, одно из значений 'покаяться, раскаяться'; *reconoistre*, 1080, одно из значений 'признать свою вину; раскрыть'; *reconoissance*, 1080, одно из значений 'признание'; *repentir*, XI, 'раскаяться'; *voement*, XIII, 'признание'.

Термин *gehine*, обозначающий и пытку, и признание, охотно используется авторами кутюмье (Иерусалимские Ассизы, Кутюмы Бовези): *det estre mis a gehine* [Ass., II, 265]. В упомянутой выше работе О. И. Тогоевой выделяется четыре термина, определяющих понятие «пытка»: *question*, *tourment*, *torture*, *gehine*. Три последних — *tourment*, *torture*, *gehine* — полностью идентичны и взаимозаменяемы. По данным О. И. Тогоевой, наиболее редким термином во всех источниках является *torture*, кутюмье предпочитают французский термин *gehine*, а ордонансы — лексику, заимствованную из римского права, то есть *question*, *tourment* [Тогоева, 1995: 32-34]. Признание, сделанное под пыткой, не считалось официальным, обвиняемый должен был его повторить на судебном заседании: *persevera et continua en ladite confession par lui faite en ycelle gehine* [Тогоева, 1995: 40].

В конце XIII — начале XIV века признание обвиняемого, полученное с помощью пытки, было основным элементом следствия. Использование пытки разрешалось при расследовании преступлений, за которые полагалась смертная казнь (убийство, сексуальные преступления и др.). Признание обвиняемого должно было подтвердить подозрения о его виновности, возникшие у судей после рассмотрения обстоятельств дела и свидетельских показаний. Если же, несмотря на пытки, человек не признавался в совершении преступления, судьи не имели права вынести ему смертный приговор: *et se il le treuve par enqueste, que il soit coupable de aucun fet, où il ait paine de sanc, il ne le doit mie condamner à mort, quand nus ne l'accuse, ne quand il n'a esté pris en aucun present fet, ne en nule recognoissance* — *Если по данным следствия окажется, что он виновен в преступлении, за которое полагается смертная казнь, суд, тем не менее, не приговорит его к смерти, в случаях если его никто не обвиняет* (речь идет о подозреваемом в преступлении), *если его не взяли на месте преступления и если он не сознается в совершении преступления* [Louis, II, 16: 600]. Пытка пришла на смену ордалиям, но при этом сохранила характер поединка, состязания, на этот раз состязания с судьей, с властью, которую он олицетворяет (о зрелищности пытки, о пытке как состязании см. подробнее [Тогоева, 2001]).

Что касается древнерусского права, то историки высказывают предположение, что, по-видимому, признание обвиняемого исстари имело место, но в древнейших

памятниках оно не отражено. Первоначально целью судебного процесса в древнерусском праве, в отличие от французского, не было получение признания, потому что суд вершился иными средствами. Это был словесный бой между тяжущимися, который часто кончался настоящим боем. Хотя добровольное признание и облегчало течение разбирательства, оно не оказывало никакого влияния на приговор. Отмечается, что признание редко облекалось в словесную форму, чаще всего оно выражалось через действие: ответчик не являлся в суд в установленный срок, отказывался целовать крест, не приходил на поединок [Ключевский, 1989, VI: 172].

Во Франции в королевском домене и судебных округах, подвластных королю, судебные поединки в качестве доказательства вины противной стороны были запрещены сначала Ордонансом Людовика IX о поединках и показаниях свидетелей (1260), затем Уложением Людовика IX (1270), вместо них в суде принимались показания свидетелей или документы, или другие законные доказательства: *Nous deffendons les batailles partout nostre demaine, en toutes querelles ... Et en lieu des batailles, nous mettons prüeves des tesmoins, ou des chartres ... Et si n'ostons mie les autres bonnes prüeves et loyaus, qui ont esté accoustumés en court laie en jusques a ores* [Louis, I, 3: 367-368]. Однако у этой нормы закона были исключения, например, в случае убийства в рукопашной схватке обвиняемый, доказавший, что он сам был ранен, прежде чем нанес смертельный удар противнику, не подвергался наказанию, но если кто-либо из родственников убитого обращался в суд и доказывал, что никакой раны не было, то тогда суд мог постановить провести между ними поединок (если одному из них было сорок лет, он мог выставить вместо себя другого), проигравший его должен был быть повешен: *... se aucuns du lignage l'appelle de la mort de celuy et li meist sus, sans ce que cil l'eust feru, ne navré, et li deist en telle maniere que le mort li eust donné commandement, et avoüerie, et atant porroit len jugeir une bataille d'aus d'eus, et si li quiex que soit avoit quarante ans, il porroit bien mettre autre pour luy, et cil qui seroit vaincus si seroit pendus* [Louis, I, 17: 395].

Судебный поединок все же мог выступать в качестве доказательной базы, но только в юрисдикции сеньоров. Так, в случае если, несмотря на очевидные следы преступления (раны, кровоподтеки и пр.), обвиняемый отрицает свою причастность к преступлению, то пострадавший заявляет о своей готовности доказать это на поле битвы. Обвиняемый и пострадавший бьются врукопашную по местному обычаю сеньории, но во владениях короля, как уже было сказано, судебная дуэль запрещена, и все дела решаются судебным порядком: *Et se il le nie, je l'offre à monstrier, et à voir en champ de bataille, ainsi comme la cort esgardera, que fere le doie, comme hons qui a son essoine aparissant. Il convient que bataille en soit cors a cors, selonc l'usage du pays. Et convient que il face encontre la demande presentement tel ni, et tele deffense comme il doit, ... Li Rois deffent les batailles en son demaine par ses establissementes* [Louis, II, 38: 637].

Согласно древнему праву, поединок мог быть назначен при решении вопроса о наследстве или спора по поводу движимого имущества. В этом случае побежденный терял спорную вещь и платил штраф. Если бой велся доверенными лицами, то побежденному отрубали кисть. Это правило было введено, чтобы бойцов не могла подкупить другая сторона, чтобы бойцы не проигрывали поединок намеренно [Beaum., 61: 315]. В терминологии, касающейся судебного поединка, входят такие слова и выражения: *bataille*, XII, 'судебный поединок'; *deraisne* (*deraisnement*), 1164, 'доказательство, поддержка своего права оружием'; *deraisnier*, 1160, 'защищать, отстаивать дело оружием или в суде'; *maler*, 1080, 'решить дело судебным поединком'; *champ male*, 'поле битвы, место поединка'; *torne (s) de (la) bataille*, *gages de bataille* 'знак (и) судебного поединка'. К знакам поединка относились предметы (обычно перчатки), которые тяжущиеся вручали сеньору, чтобы заявить, что они согласны на судебный поединок.

Поединок не мог состояться во время свадьбы (это время называлось законным), но в случае убийства, изнасилования, кражи, предательства поединок проходил в

любое время: L'en ne puet bataille tenir ou tens que l'en ne fet noces (et cist tens est apelez les lois), se n'est de murtre, de rat, de larrecin, de transon, d'omecide; et de toz ces cinq cas puet l'en tenir bataille en toz tens [Plet, XIX, 36: 310].

Если в совершении преступления подозревается человек с плохой репутацией, его следует арестовать (la justice le doit **prendre**) и допросить о его жизни, о месте проживания, о его действиях (et si li doit **enquerre** de son fet, et de sa vie, et là où il demeure). Если подозреваемый отказывается от расследования (se il ne se voloit **mettre en l'enquete**), судебное ведомство может приказать его начать (puet la justice bien fere) и изгнать подозреваемого за пределы своей юрисдикции в случае его виновности, а если он вновь появится в данном округе, его повесят, согласно обычаю. Если же подозреваемый соглашается на расследование и окажется виновным в преступлении, за которое положена смертная казнь, его приговаривают к смерти [Louis, II, 16: 600-601].

В период раннего феодализма на Руси в судебном процессе применялись ордалии, как и во Франции. Ордалии — это суд Божий в поле (судебный поединок), а также испытания водой и железом. Когда судье не были ясны обстоятельства дела, не было бесспорных доказательств виновности обвиняемого или его правоты, то прибегали к ордалиям, к суду Божиему. Ордалии возвращали суду его материальный характер, характер вооруженной борьбы, где судебное доказательство заменялось физической силой или вмешательством высшей силы. Истец, то есть пострадавший, тот, кто возбудил процесс, и обвиняемый выходили биться в поле (*битися на поле*), причем законом допускалась замена — если истец или обвиняемый глубокий старик, он мог вместо себя поставить молодого бойца. Поле, таким образом, представляет собой поединок, открытую вооруженную схватку, победитель которой признается невиновным. Этот поединок рассматривался как доказательство по уголовным делам, тяжким преступлениям. В. О. Ключевский признает существование поля во времена Русской Правды, хотя о нем «последняя не проговаривается даже намеком». Поле редко заканчивалось смертью, хотя побежденный в Судебнике именовался «убитый». И закон побуждал победителя щадить побежденного, поскольку в случае смерти победитель лишался своих денег, он мог только снять доспехи и одежду с убитого [Ключевский, 1989, VI: 175-177]. В Псковской Судной грамоте в одной из статей об этом говорится прямо: *А которому человеку поле будет с суда, а став на поле истец поможет (= победит) своего исца, ино ему взять чего сачил на исцы (= то, о чем предъявлял иск), а на труну кун не имати, толка ему доспех сняти или иное што, в чем на поле лезет ...* [ПСГ: 37].

Другой вид ордалий — это испытание железом или водой, когда обвиняемого бросали в воду: если начинал тонуть, его оправдывали. Испытание железом заключалось в том, что обвиняемого заставляли брать руками раскаленное железо: если выдержит — значит прав, если не выдержит, признается — виноват. В Русской Правде пространной редакции тоже упоминаются пытки, речь идет о пытках железом и водой, вернее, об испытаниях железом и водой: *Искавшие ли послуха, (и) не налезуть, а истыц (ь) начнет головою клепати, то (да)ти им правду железо* [ХИОГП, 21: 11]. Эти ордалии были постепенно забыты, и для московского общества (то есть к XV в.) уже не характерны, они начинают уступать другим видам судебных разбирательств: показаниям свидетелей, обыску и пытке. Пытка — последняя форма, в которой сохранялись пережитки древних ордалий [Ларин, 1975: 59].

Таким образом, когда суд утратил характер боя, когда бой сменился розыском, изменился и характер судебных доказательств. К их числу, помимо свидетельских показаний, относят допрос сторонних людей (*повальный обыск*), письменные документы, грамоты [Ключевский, 1989, VI: 180-181]. Вся совокупность судебных доказательств вместе с актами, подготавливающими процесс или помогавшими собирать судебные доказательства, в русском праве обозначалась термином *довод*. Эта процедура предшествовала собственно судебному разбирательству.

В заключение отметим, что в выделенном фрагменте правовой жизни наблюдается много общих черт в проведении предварительного следствия в древней Франции и Руси, а именно — в обеих странах дознание включало в себя такие операции, как розыск, допрос, процедуру проведения очной ставки и судебного поединка. Терминообозначения этих этапов следствия представлены в двух сопоставляемых языках односоставными терминами (существительные, глаголы) и многосоставными терминами (терминологическими сочетаниями), включающими в себя два и более компонента. Терминология древнего права и, в частности, изучаемые терминообозначения принадлежат, как правило, не только языку права, но и общему языку, то есть являются терминами двойной принадлежности.

К отличительным чертам, на наш взгляд, можно отнести следующее. Качественный и количественный анализ показывает, что в старофранцузском языке группа терминообозначений дознания, предварительного следствия более разветвлена, более многочисленна и более четко оформлена. В ней выделяются не только терминообозначения конкретных этапов дознания, но и группа терминов, служащих для передачи общего понятия о следствии (17 субстантивных и глагольных единиц), в основе наименования которых лежит преимущественно признак поиска и преследования. Большая разработанность, большая представленность терминообозначений данного фрагмента правовой действительности в старофранцузском языке объясняется, очевидно, тем, что, составляя правовые тексты на французском языке, правоведы имели возможность опираться на уже сложившуюся юридическую терминологию латинского языка и принятую практику терминопотребления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов: Пер. с фр. / Общ. ред. и вступ. ст. Ю. С. Степанова. М.: Прогресс-Универс, 1995. 456 с.
2. Ключевский В. О. Терминология русской истории // Сочинения: В 9 т. Т. VI: Специальные курсы / Под ред. В. Л. Янина. М.: Мысль, 1989. С. 94-224.
3. Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X-середина XVIII в.) / Учеб. пособие для филолог. спец. ун-тов и пед. ин-тов. М.: Высшая школа, 1975. 327 с.
4. Тогоева О. И. Семантическая характеристика понятия «пытка» во французском уголовном праве XIII-XV вв. // Вестник МГУ. Сер. 8. История. № 5. 1995. С. 30-42.
5. Тогоева О. И. Пытка как состязание: преступник и судья перед лицом толпы (Франция, XIV век) // Право в средневековом мире: Вып. 2-3: Сб. ст. / Отв. ред. О. И. Варьяш. СПб: Алетейя, 2001. С. 69-76.
6. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с франц. В. Наумова. Под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999. 479 с.

ИСТОЧНИКИ

1. Ass. — Assises de Jérusalem ou Recueil des ouvrages de jurisprudence composés pendant le XIII-e siècle dans le royaume de Jérusalem et de Chypre. T. 1. Assises de la Haute Cour / Publ. par M. le comte Beugnot. P.: Imprimerie royale, 1841. LXXXVII, 657 p.
2. Beaum. — Beaumanoir Ph. De. Coutumes de Beauvaisis / Texte critique publ. avec une introduction, un glossaire et une table analytique par Am. Salmon. T. 1. P.: Picard, 1899. 512 p.
3. Gloss. — Glossaire de l'ancien droit français contenant l'explication des mots vieillis ou hors d'usage qu'on trouve ordinairement dans les coutumes et les ordonnances de notre ancienne jurisprudence. / Par M. Dupin et E. Laboulaye. P.: Durand, Videcoq, 1846. 133 p.
4. Louis — Les Etablissements de Saint Louis // Recueil général des anciennes lois françaises depuis l'an 420 jusqu'à la révolution de 1789 / Par MM. Jourdan, Decrusy, Isambert. T. 2. (1270-1308) P.: Imprimerie de Et. Imbert, s. a. P. 361-643.
5. Plet — Li Livres de Jostice et de Plet. / Publ. par Rapetti. P.: F. Didot, 1850. LII, 451 p.
6. ПП – Суд Ярославль Володимерич. Правда Русьская. Пространная редакция. //Хрестоматия по истории отечественного государства и права (X век - 1917) / Сост. В. А. Томсинов: М.: Изд-во «Зерцало», 1998. С. 10-18.

7. ПСГ – Псковская Судная грамота // Хрестоматия по истории отечественного государства и права (X век - 1917) / Сост. В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 1998. С. 26-36.

8. ХИОГП – Хрестоматия по истории отечественного государства и права (X век - 1917) / Сост. В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 1998. 381 с.

*Елена Николаевна ЭРТНЕР –
доцент кафедры русской литературы,
кандидат филологических наук*

УДК 821.161.1.09

«СЕРЕБРЯНЫЙ ГОЛУБЬ» А. БЕЛОГО:

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ПРОВИНЦИИ В РОМАНЕ О ХУДОЖНИКЕ

АННОТАЦИЯ. В статье впервые предпринята попытка изучения «Серебряного голубя» Андрея Белого как романа о художнике. Образ провинции в произведении исследуется как интенциональный.

The article is devoted to the study of «The Silver Dove» by Andrei Belij as a novel about the artist. The image of the province in the story is looked upon as being intentional.

«Серебряный голубь» Андрея Белого [1] еще ждет своего серьезного исследования, ибо ученые до сих пор размышляют о «двусмысленном положении» произведения в творчестве писателя: «О чем говорится в романе, не проясняет ни само действие, ни (отсутствующее) объяснение происходящего автором» [2]. Но если помнить, что именно этот роман открывает задуманную автором трилогию «Восток или Запад», а ее следующей частью становится «Петербург», признанная вершина прозы поэта (третья книга так и не была написана), то, возможно, следует поставить под вопрос «непроясненность художественного замысла» «Серебряного голубя».

Необходимо признать, что предметом внимания исследователей уже становились сказовая основа произведения [3], «народнический эксперимент» героя, тематизируемая в романе концепция жизнотворчества, [4], особенности стиля [5] и другое. При этом феноменологические принципы повествования [6] и интенциональная природа образа провинции оставались не замеченными исследовательской традицией. Пространственная образность романа должна быть исследована вне традиционной субъектно-объектной точки зрения на взаимоотношения человека и места. Сегодня эта признанная парадигма начинает противоречить новым идеям, которые встроить в нее оказывается невозможно. Изучение феноменологии провинции в романе Белого «Серебряный голубь» и станет для нас исследовательской задачей в данной работе.

Топология провинции в «Серебряном голубе» включает в себя: уездный город Лихов [7], к которому ведет железная дорога от Москвы, «подгородное» село Целебеево, окруженное полями и холмами, связанное с городом дорогой, дворянскую усадьбу Гуголево. Таким образом, в романе автором репрезентируется иерархическое целое русской провинции. На первый взгляд кажется, что Белый в одном из первых своих романов подробно разворачивает описание провинции как территории, воссоздавая реалии «российской глуши» начала XX века. Действительно, роман насыщен «реалиями» места, в нем присутствует поэтика «эмпирического образного слоя», ощущается наблюдательность и вкус автора к «характерности» места.

Но если признать, что этим исчерпываются формы развертывания провинции в тексте Белого, то возникает вопрос о «вторичности» слова о провинции Белого. Но может ли эмпирия провинции иметь традиционное воплощение в романе писателя,